

Дом как малая капля таланта

СЛЕД НА ЗЕМЛЕ

Где обитают небожители? Впрочем, о «небожителях» в наш суховатый и скуковатый век уже не говорят, теперь их называют VIP-персоны. И всё-таки – где? И каково им там?

ВЕЛИКАЯ КОПОТЬ

Улица Большая Якиманка так же ужасна, как и любая другая улица в центре Москвы. Деревья уничтожены как класс, машины идут потоком, воздух можно использовать в качестве химического оружия. Посольство Республики Франция в РФ расположено на Большой Якиманке, 45, в двух зданиях – старом и новом. Конечно, рядом с ними растут деревья (юридически территория посольства считается территорией Франции, может потому их ещё и не вырубали). Однако зелёный посольский садик – слабая защита от Великой Копоти. Не спасает.

Новое здание страдает меньше. Во-первых, оно современно-кубическое, и реоцим в воздухе выхлопным газом просто негде осесть. Во-вторых, стоит в глубине дипломатического подворья, налицу не выходит. А вот старый посольский корпус встречает тлетворное дыхание мегалописа грудью, то есть всей стеной. И потому эта грудина выглядит серой, грязно-белой неприглядной. Форма у стены очень сложная: сплошные неровности, желобки, выступы, каменные орнаменты редкой красоты, есть где грязи зацепиться. Старый польский дом красив, как православный храм. Точнее, был красив, если бы приставить к нему человека со шваброй, чтобы хотя бы раз в две недели мыл фасад. Но такой тщательной единицы во французском посольстве не предусмотрено...

Тем не менее апартаменты Чрезвычайного и Полномочного Посла Франции Жака де Глиннасти располагаются отнюдь не в современном «кубике», потому что первое лицо любого учреждения всегда занимает лучшее помещение.

На презентации Ярославской области во французском посольстве корреспондент «Северного края» не удержался и спросил месье де Глиннасти прямо: «Господин посол, удобно ли вам в нашем, ярославском доме? Ведь здание, в котором расположены ваши апартаменты, может рассказать об истории Ярославля и творческих возмож-

ностях ярославцев, наверное, не меньше, чем самая пышная презентация»...

ВЛЮБЛЁННЫЙ В ЯРОСЛАВЬ

Облюбованный послом, а французы всегда были законодателями хорошего вкуса, дом был построен ярославским архитектором Николаем Поздеевым. Его жизнь была стремительной и яркой, как комета. В 1888 году, когда московский богатей Николай Игумнов предложил Поздееву построить особняк на Якиманке, архитектору было всего тридцать три года. Не забудем, что тогда время текло не так поспешно и судорожно, как сейчас... Тургенев писал об одном из своих героев-современников: «Он был подающим большие надежды, хотя и очень молодым человеком. Ему только исполнилось тридцать восемь».

Почти юный по меркам того времени архитектор успел невероятно много. С апреля 1884 года он занимал высокую должность городского архитектора Ярославля. Всего за четыре года этот влюблённый в Ярославль человек построил немало зданий и сейчас входящих в золотой фонд ярославской архитектуры. Один из самых узнаваемых символов нашего города – часовня Александра Невского возле здания правительства области – творение Поздеева. Сретенская церковь в Депутатском переулке – тоже. Особняк с атлантами, построенный для владельца табачной фабрики Дунаева. Бывший военный госпиталь на углу улиц Ростовской и Воскресенской (сейчас – угол Андропова). Николай Иванович буквально бредил русской стариной и умел органично привнести в обычные здания элементы храмовой архитектуры. Во времена творчества (именно так – не «работы, а «творчества») Николай Поздеев в псевдорусский стиль. Дома украшали изразцами, шатрами, каменной резьбой и превращали в подобие сказочных теремов. Это был не просто стиль, а последняя перед Октябрьским переворотом попытка возрождения русской

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.

духовности, попытка объединить в одно целое русскую старину, русские сказки и народную православную веру. Даже шлемы для военных, впоследствии получившие кличку «будённовки», были разработаны для русской армии художником Васнецовым как подобие шлемов былинных богатырей. «Псевдорусским» стиль прозвали снобы от архитектуры, на самом деле его следовало бы назвать «ярким русским», подобно западной «пламенеющей готике».

Талантливый ярославский архитектор изучал, любил и глубоко понимал этот стиль, и вовсе неудивительно, что со владелец ярославской «корзинкинской» мануфактуры Николай Игумнов пригласил именно Поздеева, купцы всегда стремились, чтобы на их работали только «звёзды».

И ВОТ НА ЧЁМ ВЕРТИТСЯ МИР!

Излишне объяснять, что ярославец Николай Поздеев с честью справился со сложным заданием. Любой желающий может поехать в Москву или просто набрать в поисковике Интернета «дом Поздеева» и лично убедиться в том, что особняк – украшение столицы. Здания сходных архитектурных решений известны всем – это Исторический музей на Красной площади, ГУМ. Разрабатывая проект, Поздеев черпал вдохновение в таких образцах, как Дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском и храм Василия Блаженного. Шатры, сводные

арки, изразцы, слитые в одно гармоничное целое...

Для создателя всей этой красоты история завершилась трагически. Особняк строили по-купечески, швыряясь деньгами направо и налево. Изразцы заказывали на знаменитом заводе Кузнецова, кирпич везли аж из Голландии. Можно было привезти, кстати, и из Ярославля, Сретенская церковь, например, построена из местного кирпича. Но Игумнов хотел «самолучшего».

Когда особняк был построен, столичная критика, в особенности архитектурный «бомонд» при немалых чинах, объявила чужаку-ярославцу войну. Критика искусства – дело неоднозначное. Примеров – тьма. Так, мать Саввы Морозова, когда он построил свой уникальный особняк, заявила: «Раньше только я знала, что Савва – дурак, а теперь вся Москва знает». Против гордости Парижа, Эйфелевой башни был создан Общественный комитет, куда входили такие люди, как Золя и Мопассан. Этот комитет едва не добился сноса башни уже после того, как она высилась над Парижем пять лет! Что уж говорить о возможностях борьбы столичного «генералитета» с провинциальным талантом...

Рассерженный журнальной критикой нового особняка Игумнов поступил «чисто по понятиям». Нашёл в смете строительства непредусмотренные расходы и отказался их оплачивать. Николай Поздеев был практически разорён.

В 1891 году, в возрасте

всего лишь тридцати восьми лет, Николай Поздеев скончался. Особняк Игумнова стал его «лебединой песней» – последней работой. Николай Поздеев был болен туберкулёзом, и болезнь стала официальной версией его смерти. Однако некоторые исследователи считают, что архитектор покончил с собой, не вынеся давления «просвещённой критики».

МЕСТЬ СТАРОГО ДОМА

Может быть, сугубым реалистам это покажется романтическими бреднями, но дом отомстил за своего создателя. Во вполне просвещённого купца и фабриканта Николая Игумнова после того, как он неоправданно круто и несправедливо обошёлся с ярославским архитектором, словно бес вселился. Для начала он поселил в доме любовницу, танцовщицу. Затем, застав её с другим мужчиной, жестоко убил и замуровал в стену. Бесспорных доказательств этой мрачной уголовщины, конечно же, не осталось, но легенды гласят, что в доме появился призрак убиенной, и жить в особняке не стало никому. Затем Игумнов измыслил шутку, которая заставляет сомневаться в его психическом здоровье. Он выстелил полы в доме золотыми монетами с профилем императора, и любой гость был вынужден топтать самодержца. Есть версия, что спешный отъезд Игумнова из Москвы в дальнейшем южное имение – это бегство от гнева царя. Вскоре революция перечеркнула биографию Игумнова, а дом – остался. Его превратили в клуб. Затем дом стал Институтом мозга, где исследовали мозг Ленина, а к 1934 году составили «коллекцию» мозгов замечательных людей: Клары Цеткин, Цурюпы, Луначарского, Андрея Белого, Собинова, Маяковского, Станиславского, Максима Горького, Циолковского, Мичурина, Павлова, Эдуарда Багрицкого, Кирова, Калинина, Куйбышева, Крупской... Бред прекратился только в 1938 году – в здание въехало французское посольство.

МНОГОТОЧИЕ ПЕРЕД СЛОВОМ «ГОСУДАРСТВО»

Месье Жан де Глиннасти с похвалой отзывается об удобстве и красоте старого дома, и это отнюдь не казённая вежливость дипломата.

Французы делом доказали преклонение перед творением Николая Поздеева – на средства посольства выпустили шикарную книгу-альбом о доме. Очень дорогую, красочную, тиражом всего в тысячу экземпляров. С точки зрения французского национального этикета это говорит о многом.

– В этом доме очень удобно, – сказал Жан де Глиннасти. – К сожалению, скоро придётся из него на время выехать, в доме будет ремонт...

Профессионально, одним коротким взглядом оценив отсутствие телекамер и включённых диктофонов, Полномочный Посол добавляет:

– Там, в этом прекрасном доме, ТАКАЯ электропроводка и ТАКИЕ трубы...

– А французская сторона примет какое-то участие в ремонте? – любопытствует корреспондент.

– Нет, – отвечает посол. – Ведь этот дом принадлежит государству.

Громадная пауза перед последним словом (о, иезуитское искусство дипломатической беседы!) не оставляет сомнений в том, что месье де Глиннасти хотел сказать «вашему государству». Но не сказал, а только дал понять, потому что в таком контексте и при таком цвете фасада уникального шедевра архитектуры намёк звучит почти оскорбительно. Впрочем, если бы Чрезвычайный и Полномочный Посол знал о судьбе ещё одного дома, созданного Поздеевым, он, наверное, всё-таки нарушил бы правила дипломатического этикета.

В самом центре Ярославля, на улице Терешковой (бывшей Голубятной), есть уродливая «плешка» – грязный пустырь. На его месте стоял резной деревянный домик, который Поздеев строил для своей любимой жены. В этом скромном домике, как в малой капле, отразились все искания и чаяния этого талантливого и высокодуховного русского архитектора. Дом прошёл все стадии угасания. Его перепродавали, поджигали, в нём жили бомжи... «Северный край» не раз и не два подробно писал об этом безобразии. Ни денег, ни желания на сохранение памятника ни в Ярославле, ни в Москве не нашлось. Но месье де Глиннасти об этом не знает, а если бы узнал, да ругнулся по-французски, мы бы всё равно не поняли бы...

Евгений АВЕНИР.